

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИГОРЬ ШЕНГАЛЬЦ

СЫЩИК
БРЕННЕР

РОМАН

Москва, 2016
САРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш47

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1030

Художник
М. Поповский

Шенгалъц И. А.

Ш47 Сыщик Бреннер: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 346 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2298-2

...Начало XX века. Великая империя Руссо-Пруссия — союз немецкой исполнительности и российской смекалки — совсем недавно обрела могущество, сумев выбиться в мировые лидеры. У империи появилось много врагов, как явных, так и тайных.

Кирилл Бенедиктович Бреннер — бывший имперский десант-риггер, ныне частный сыщик по найму. Он живет с девушками-близняшками и не любит вспоминать прошлое. Его очередное задание — поиски пропавшего малолетнего сына графини С., жертвы серийного убийцы, терроризирующего город, — приводит к неожиданным результатам. Выясняется, что с поимкой преступника-маньяка история только начинается, и Бреннер волею судеб оказывается втянут в новое, смертельно опасное расследование...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Шенгалъц И. А., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2298-2

Все персонажи вымышлены, любые совпадения случайны. Автор благодарит Алексея Мотылева и Ольгу Митюгину за неоценимую помощь при создании книги.

Добро — это не намерение действовать, а само действие.

Джон Фаулз

Будущее должно быть заложено в настоящем.

Георг Лихтенберг

I ДАГЕРОТИПИСТ

Я не любил убивать. Но иногда это было необходимо.

Когда на меня навалился всей своей массивной стопятидесятикилограммовой тушей Жорик — маниак, похититель детей и серийный убийца, — схватил мою шею своими толстыми, мясистыми, похожими на сардельки пальцами и начал душить, я, ни секунды не сомневаясь, всадил ему нож-бабочку в жирное брюхо и бил снова и снова, пока Жорик конвульсивно не задергался, доживая последние мгновения. Только затем я с большим трудом столкнул его тело с себя на холодные плиты пола и сумел выдохнуть.

Жорик был мертв, а я не знал, радоваться мне или печалиться. Преступник наконец пойман и уничтожен, но ни одной его жертвы мне спасти не удалось.

К тому же, по закону, я должен был произвести гражданский арест и тут же позвонить барон-капитану Мартынову или хотя бы начальнику криминального сыска Семенову, тем более что доказательств причастности Жорика к убийствам, заставившим Фридрихсград содрогнуться, теперь хватало с лихвой. Но я этого не сделал, я зарезал его без суда и следствия и ничуть об этом не жалел...

Подвальное помещение, где я обнаружил тайное логово маниака, было завалено многочисленными снимками жертв во всех возможных ракурсах до и после убийств.

В своей жизни я повидал много страшного, но эти карточки с искаженными страданиями детскими лицами даже у меня вызвали спазмы в горле. Нет, гаду, который долгие годы успешно притворялся добряком-дагеротипистом, а на деле оказался кровавым и жестоким убийцей, еще повезло. Если бы я не сглупил и не дал застать себя врасплох, то мучиться бы ему пришлось куда дольше. Императорский суд до сих пор, несмотря на многочисленные жалобы прогрессивной части сограждан, не отменил пытки как особый вид дознания, только обязал присутствием в пыточной камере доктора, который следил бы за тем, чтобы испытуемый не издох раньше срока. Так что я, по сути, подарил ему легкую смерть, за которую он должен быть мне благодарен.

Я поднялся на ноги, брезгливо поглядывая на труп. Этот человек, такой жизнерадостный и улыбчивый при жизни, сейчас напоминал сдувшийся бычий пузырь. Смерть заострила черты его лица, от улыбки остался хищный оскал, а крови из ран натекло столько, что вокруг тела уже образовалась изрядная лужа.

К счастью, я запачкался не слишком сильно — кровь вообще плохо отстирывается, а кровь мерзавцев — тем более. Видно, ее состав какой-то особо гадкий.

Я достал переговорник — невероятное изобретение, позволявшее связаться с кем угодно в пределах города при наличии второго такого же аппарата у абонента. Переговорники пока имелись далеко не у каждого — мне аппарат достался в качестве презента от нанимательницы, желавшей в любое время дня и ночи интересоваться ходом дела, — но уж у начальника Департамента полиции на рабочем столе всегда стоял стационарный аппарат. Я знал это точно, так как время от времени связывался с барон-капитаном, чтобы подбросить очередное полено в костер полицейских расследований.

— Мартынов у аппарата! — раздался скрипящий, тяжело различимый за сторонними шумами голос барон-капитана. Начальник ответил быстро: переговорники были еще настолько редки, что ими пользовались только по важным причинам.

— Это Бреннер, у меня труп. Тот самый серийный убийца, которого вы искали. А я нашел. Диктую адрес! Записываете? Малый Липовый переулок, дом пять, подвальное помещение, вход со двора. Как поняли?

Мартынов молчал, переваривая услышанное. Только хрипы и неясные посвисты раздавались в ответ. Нет, создателям аппарата еще работать и работать...

— Бреннер, — наконец заговорил барон-капитан. — Если это какая-то шутка с твоей стороны, то я...

— Да какие могут быть шутки?! — возмутился я. — Меня наняли искать, я расследовал и нашел. Все доказательства на месте. Высылайте криминальный сыск, я не намерен сидеть здесь до конца дня.

— Смотри мне! — угрожающе прохрипел Мартынов и отключился.

Барон-капитан не обладал чувством юмора, поэтому крайне не любил шутников, а уж меня выделял особо. И что уж скрывать, время от времени наши интересы сталкивались, так что он вполне мог ожидать с моей стороны любой пакости...

Я неспешно обошел подвал, оглядывая стеллажи с толстыми конвертами, в которых находились дагеротипные снимки жертв и некоторые личные вещи несчастных, бережно хранимые Жориком. В центре помещения стоял широкий пыточный стол со свисающими с двух сторон кожаными браслетами-захватами и ремнями креплений, которыми маниак надежно фиксировал свои жертвы перед тем, как приступить к делу. На столе грудой валялись старые пластинки, а патефон стоял на передвижной тележке чуть поодаль. Там же, аккуратно, в рядок, были выложены медицинские инструменты. И самые дикие крики не могли пробиться наружу из той части подвала, где негодяй оборудовал зал для желающих сделать снимок-другой на память.

Мне очень повезло, что я наткнулся на это логово. Вышло все случайно, поэтому я не захватил с собой оружия, кроме ножа, всегда лежавшего у меня в кармане.

До приезда группы оставалось не меньше четверти часа, как бы они ни спешили. Если воспользоваться одним из пяти новеньких мехвагенов, недавно поступивших в ангар Департамента, то можно сэкономить минут пять-шесть, но Мартынов мехвагены берег, не разрешая портить их попусту. А тут куда торопиться? Труп уже не сбежит, как и я. Можно прибыть и по старинке, на полицейской карете.

Позади внезапно раздался странный шорох, от которого у меня мороз по коже побежал. Я резко обернулся и замер на месте.

Мертвец уже не лежал там, где я его оставил. Он успел подняться и медленно шел прямо на меня, слегка шаркая ногами по каменному полу.

Кровь из брюха у него больше не текла, зато вместо нее на пол капала изумрудная слизь. Бесмысленные глаза Жорика были широко распахнуты. Зрачки невероятно расширились и почернели.

Существо вытянуло руки и вновь зашаркало вперед, всем своим видом напоминая классического зомби, каких изображают иллюстраторы в бульварных книжонках. В мистику я нисколько не верил, поэтому вновь вынул нож и замер, выжидая. Сумел убить его один раз, сумею и во второй.

— Э-э-э!.. — вдруг протяжно затянуло это нечто, потом замолкло, словно испугавшись звуков своего голоса, но тут же продолжило с новой силой: — Э-э-э!..

Движения его стали быстрее, осмысленнее. Изумрудная слизь почти перестала сочиться из ран, зрачки постепенно приходили в норму. Еще чуть-чуть, понял я, и мерзавец воскреснет окончательно. А этого допустить я не мог.

Перестав сомневаться, в два прыжка я оказался рядом и вновь погрузил нож по самую рукоять в его необъятное пузо.

— Э-э-э?! — недовольно провозгласил он и попытался ударить меня, но я ловко увернулся и вновь ткнул его ножом, а потом еще и еще раз, снова и снова, стараясь уничтожить наконец эту тварь, которая человеком не являлась.

Вновь потоком хлынула кровь, на этот раз вместе со слизью. Жорик упал на одно колено, но все тянул и тянул ко мне руки.

Раскладной нож-бабочка — он же балисонг — незаменимая вещь в любых сложных ситуациях. С десятого удара я наконец зацепил какой-то жизненно важный орган этого существа. Упырь повалился лицом вниз, в последний момент чуть было не схватив меня за щиколотку. Очередные конвульсии возвестили о том, что я вновь победил в бою. Вот только надолго ли?..

На этот раз я действовал иначе. Пока это затихло без движения на полу, я быстро освободил пыточный стол от всего

лишнего и, собравшись с силами, сумел водрузить его грузное тело на гладкую металлическую поверхность. Руки и ноги закрепил браслетами, а саму тушу пристегнул вдобавок двумя ремнями. Теперь даже если тварь вновь очнется, то уже не сумеет пошевелиться. А там и группа Семенова прибудет. Они и так отчего-то задерживались. По моим подсчетам, группа должна была появиться несколько минут назад.

На этот раз я полностью сосредоточил свое внимание на маниаке, поэтому не пропустил момент, когда через пару минут он опять открыл пожелтевшие глаза, а по телу его пробежала волна легкой дрожи. Но ремни и браслеты держали крепко, и все, что Жорику оставалось, это слегка взволнованно повторить:

— Э-э-э!..

— Лучше помолчи, — посоветовал я, на всякий случай все же чуть отступив назад. — Все равно не поможет. Сейчас придудет кавалерия, и ты отправишься в кутузку. А оттуда, знаешь ли, не так просто выбраться! Так что успокойся и прими свою судьбу.

Маниак замолк на некоторое время, но я видел, как перекатываются под толстым слоем жира его мышцы. Он собирался с силами, и мне это очень не нравилось.

— Замри и не двигайся! — приказал я. — А то опять порежу! Я могу тебя резать долго, мне это доставит удовольствие. Если же вдруг станет противно, то я тут же вспомню лица всех тех детишек. Я все их помню, до последнего. А ты их помнишь?

— М-э-э-э-н-э-э и-и-идти-и-и! — с трудом выговорил Жорик.

— Куда это ты собрался? — искренне удивился я. Даже от дважды трупа я не ожидал такой откровенной наглости. — Лежи и не дергайся!

— На-а-адо-о-о-о и-и-идти-и-и! На-а-адо-о-о-о! Ты-ы-ы не-э-э по-о-он-и-ма-а-а-е-э-эш!

Я промолчал. Еще не хватало вступать с убийцей в пререкания. Он тоже умолк, закрыл глаза и глубоко задышал.

Надо сказать, в подобную переделку я попал впервые. Нет, преступников я ловил и раньше, да и убивал многих собственными руками, что уж скрывать. Но вот чтобы они после этого воскресали, да еще два раза кряду, такого прежде не случалось.

Жорик затрещал. Я сначала и не понял, что происходит. На мгновение я испугался, что не выдержали ремни и он сейчас освободится от оков, а мне вновь придется бить его ножом.

Но дело оказалось в другом. Трещали не ремни, трещало само Жориково огромное тело, трещало и расходилось, словно по слабым швам.

Просторная пестрая, заляпанная кровью рубашка, в которую он был одет, лопнула на груди, и обнажилось тугое, как барабан, круглое пузо. От пупа до грудины чернела темная линия надреза, а по бокам я увидел следы своих ударов, уже почти заросшие и зажившие.

Вот по этой-то линии туша и расплзлась, открывая моему взору свое омерзительное содержимое.

И вдруг, в одно мгновение, произошли сразу три вещи. Во-первых, туша наконец окончательно разошлась, во-вторых, в тот же миг у Жорика лопнула голова, забрызгав все вокруг серо-розовыми мозгами и кровью, а в-третьих — из недр мертвого тела появилось странное существо.

Внешне оно напоминало человеческий хребет с восемью конечностями. Там, где у обычного человека находится крестец и копчик, у этого создания была маленькая заостренная голова с узкими глазками и маленьким хищным ртом. Четыре конечности служили ногами, а четыре оставшиеся заканчивались острыми крюками-захватами.

Все это я заметил как-то сразу, успев бросить на создание лишь один-единственный взгляд, потому как в ту же секунду оно сорвалось с места и стремительно бросилось к выходу.

Я кинулся следом, но поскользнулся в растекшейся на полу луже, упал и сильно ударился головой. Прошло с полминуты, пока я наконец не пришел в себя и не попытался подняться, но при этом все время скользил.

Существо между тем давно скрылось в соседнем зале, где находилось рабочее помещение.

Я барахтался на полу, пытаюсь обрести равновесие, весь перепачканный в крови и слизи, ошарашенный и потрясенный, с ножом в руках, а на столе с распахнутой настезь грудной клеткой и свисающими лентами кишок лежало распотрошенное тело без головы и хребта, закованное в браслеты и зафиксированное лентами-захватами. В этот самый момент раздался

топот и в подвал, воинственно ошестинившись ручными пулеметами, влетела группа быстрого реагирования.

Бойцы тут же рассредоточились по залу, наведя на меня оружие. Но я их прекрасно понимал. Не каждый день удается лицезреть столь мрачную картину, достойную кисти художника-сатаниста.

Все, что мне оставалось, это нервно засмеяться, надеясь в глубине души, что меня не застрелят прямо тут, на месте.

Но глава криминального сыска — риттер¹ Семенов — вовремя узнал меня. Повинуясь его жесту, остальные опустили оружие, впрочем сделав это медленно и с явной неохотой.

— Бреннер, опять ты в своем репертуаре! — Семенов недовольно покачал головой, а я в это время попытался встать, хотя ноги отчаянно скользили, разъезжаясь в изумрудно-красной жиже.

— Вот честное слово, хоть убей меня, я ни в чем не виноват!

Семенов лишь недоверчиво взглянул на меня и вновь покачал головой.

— Посмотрим, что на это скажет барон-капитан. Умойся сначала, а то вид у тебя тот еще... ты едешь с нами!..

II ИНТЕРВЬЮ

— ...Джордж Лири Уорфилд, он же Джордж-Сделай-Снимок, он же Жорик, уроженец Островного Королевства, эмигрировал в Руссо-Пруссию пять лет назад. Проверялся эмиграционными службами, но ничего порочащего обнаружено не было. Зарабатывал на жизнь изготовлением дагеротипов. Не женат, детей нет. В полицейских сводках не фигурировал. Имеет два счета: в Первом Национальном Руссо-Прусском банке и в филиале банка «Корона». Номера счетов... Выписки... И зачем вы, Бреннер, убили этого человека, более того — фактически расчленили его? Неужели не могли дождаться группу Семенова?!

¹ Р и т т е р — рыцарь, в данном случае также офицер низшего и среднего звена. — *Здесь и далее примеч. автора.*

Никогда прежде я не видел барон-капитана в таком гневе. Усы его топорщились, словно наэлектризованные, губы сжались в тонкую линию, он то и дело стучал кулаком по столу, а глаза метали молнии. В общем и целом Мартынов сейчас представлял собой фигуру весьма грозную, вот только я не находился в его подчинении, да и вообще ни в чем подчинении, кроме своей воли и разума, поэтому мог легко проигнорировать любые выкрики и постараться прийти к разумному компромиссу.

— Понимаете ли, Роберт Константинович, у меня не было выбора. Он напал на меня и намеревался убить!

— Привязанный к столу? — изумленно приподнял левую бровь Мартынов. — Убить? Не кажется ли вам, Бреннер, что вы что-то недоговариваете?!

Он был абсолютно прав. Я ничего не рассказал ему о существовании, вылезшем из тела Жорика. Во-первых, барон-капитан все равно бы не поверил, а во-вторых, я и сам до сих пор не был уверен, что все произошедшее мне попросту не привиделось. Хотя факты говорили об обратном. Нет, для начала дайте время мне во всем разобраться, а потом требуйте отчета. Тем более что я вам, господа полицейские, и не подчиняюсь вовсе. А средства на оплату своих привычек добываю исключительно собственным умом и силами. Поэтому нечего пытаться загнать меня в угол и давить. Нет уж, лучше оставьте меня в покое!..

— Хорошо. — Мартынов внезапно сменил угрожающий тон на ласковый, что заставило меня насторожиться еще сильнее. — Я понимаю, вы, Кирилл Бенедиктович, попросту не совладали с эмоциями. Это логично и естественно. Маниак пойман, доказательства, как говорится, налицо... Знаете, я бы тоже не сдержался... Все эти убиенные детки... Порезал бы мерзавца на ремни! И правильно, что вы так поступили. Пусть не по закону, но по совести! Напишите чистосердечное признание, и я отпущу вас домой. Только пообещайте не покидать пределы Фридрихсграда, пока все не успокоится. Слово офицера! И на суде скажу, что вы выступали в качестве нашего агента. А то, что убили мерзавца... так кто бы сдержался?! Устраивает?

Я осознавал, что положение у меня угрожающее. Застигнут на месте преступления, с оружием в руках. Кто поверит в

странное существо, сбежавшее за минуту до появления сыщиков?.. Никто, и будут правы. Я бы на их месте тоже не поверил.

— Да, — вынужденно кивнул я. — Давайте бумагу.

Мартынов подвинул ко мне стопку листов и чернильницу, но сам не отрываясь смотрел мне в лицо. И, когда я начал писать, не выдержал:

— Бреннер, послушайте, я вас давно знаю, вы кто угодно, но не хладнокровный убийца. Даже в подобном экстраординарном случае. Но и меня поймите, я вас и сейчас-то отпускаю исключительно потому, что уважаю, как бывшего солдата, прошедшего огонь и воду. Много наших тогда полегло, а мы устояли... А сбежите, так и у меня голова полетит. Верите?

— Верю! — буркнул я, старательно выводя готические буквы чертова дойчева алфавита.

— Постарайтесь уж, — вполголоса добавил барон-капитан, наблюдая за тем, что я пишу, — не подвести меня...

Я только кивнул, понимая, что Мартынов убежден в том, что маниака убил я. И все его чувства и двадцатилетний опыт службы в полиции приказывали ему сунуть меня в камеру и держать там взаперти. Но он еще помнил, как во время войны мы выбрасывались с десантом из дирижаблей, в запечатанных намертво капсулах прямиком в гущу сражения, не зная, что ждет нас там: мгновенная гибель или вечная слава. Нам повезло, мы выжили. Однако боевое братство так просто не стиралось из памяти.

Поэтому я дописал свое чистосердечное признание, в коем поведал, что именно от моей руки погиб убийца, и барон-капитан отпустил меня на все четыре стороны под честное слово бывшего десант-риттера кайзер-императорской армии. Хотя, как известно, бывших военных не бывает. Все мы до сих пор мысленно где-то там, на полях былых сражений...

— Прошу не информировать никого из заинтересованных лиц о факте умерщвления Уорфилда. Это понятно?

Я кивнул, но с небольшим сомнением во взгляде. Понятно мне было все — дальше некуда. Вот только моя нанимательница — графиня С. (полное имя ее я не вправе разглашать — профессиональная этика) должна точно знать, что с этим гадом покончено навсегда.

Снимки ее пропавшего сына я обнаружил почти сразу, роюсь в вещах дагеротиписта. Бедная графиня, теперь ей больше не на что надеяться. То, что сотворил с несчастным ребенком Жорик (или же существо, обитавшее в нем), было превыше человеческого понимания. Меня однажды спросили: есть ли что-то в твоей работе, что до сих пор вызывает рвотные позывы? Да, эти снимки несчастного мальчика вызывали у меня рвоту раз за разом, пока я совершенно не обессилел. В тот-то момент, кстати, и подловил меня Жорик, чуть не отправив к праотцам.

— Можете сделать неофициальное заявление в узком кругу, — правильно понял мои размышления Мартынов. — Но не больше! И если этот ваш репортер хоть слово напишет в своей жалкой газетенке — посажу и вас, и его!

Я вновь кивнул, теперь уже без капли неуверенности. Мне невероятно повезло, что это дело держал под личным контролем именно барон-капитан. Окажись на его месте кто-то другой, и я вряд ли отделался бы столь абстрактным отсроченным наказанием. Как минимум — сидеть бы мне за решеткой в ожидании справедливого решения суда. А тут — свобода, пусть условная и весьма ограниченная, но все же... А репортер, о котором он говорил, — мой давний друг и товарищ Грэг Рат, служивший в «Городских новостях» — ежедневном информационном листке, пользовавшемся изрядным спросом у населения.

— Я могу идти?

— Свободны, Бреннер. Пока свободны...

Не успел я покинуть здание, как не к ночи помянутый Грэг выскочил словно чертик из табакерки и, схватив меня за лацкан пиджака, потащил за собой. Я не сопротивлялся, все равно мне нужно было обдумать произошедшее, а лучшего собеседника, чем ушлый репортер, знающий все и обо всех, найти было сложно. Каким образом Грэг успел пронюхать о том, что появились свежие жареные факты, я и знать не хотел — это его работа, а он — лучший в городе.

Мы зашли в ближайший трактир, и Грэг повелительно махнул рукой половому. Тот подскочил к нам, почтительно склонившись, и выслушал заказ. Уже через несколько минут на столе перед нами стоял графинчик с водкой, разносолы и про-

чая закуска, да в таком количестве, что можно было бы накормить всю группу Семенова, если бы они пожелали присоединиться к нашей трапезе.

Я налил стакан до самого верха и опустошил его одним долгим глотком. Закусывать не стал.

Пишевод обожгло, но тут же пришло облегчение. Рат посмотрел на меня своими умными, хитрыми лисьими глазками из-за круглых очков, но комментировать мое поведение не стал. Себе он налил водки на два пальца, быстро выпил, закусил маринованным помидором, шумно выдохнул и только тогда, чуть откинувшись на спинку стула, спросил:

— Совсем плохи дела?

— Хуже не бывает, — кивнул я, раздумывая, не наполнить ли стакан вновь.

— Сейчас горячее принесут. Вид у тебя — краше в гроб кладут. Подкрепиться надо, а потом домой, в ванной отлежаться, в себя прийти.

— Я его взял.

— Маниака? — Грэг тут же забыл о своем предложении разойтись, вытащил блокнот и карандаш и придвинулся ближе, готовый жадно впитывать каждое мое слово.

— Да. Все получилось случайно. Мне поступила информация, что родители одной из жертв незадолго до похищения заказывали несколько дагеротипов для всей семьи. Вот я и решил переговорить с мастером, узнать, вдруг он заметил в процессе работы что-то подозрительное. Мне бы стоило вспомнить, что и в домах у некоторых жертв я видел свежие карточки, но тогда я не придавал этому никакого значения. Дагеротипы заказывают многие, это сейчас в моде. И вот я пришел к нему в ателье с целью задать несколько вопросов...

Я все же налил себе водки, заново воскрешая в памяти недавние события и интерьеры. Стертые ступени, ведущие в подвал, заросший плющом вход с некогда яркой, но сильно уже выцветшей вывеской, первый рабочий зал, заставленный оборудованием, креслами и пуфиками для посетителей, белая фоновая ширма и несколько других ширм, с нарисованными разнообразными пейзажами — заказчикам такое нравится, — тяжелые бордовые портьеры до пола, разделявшие помещение на несколько частей, местами осыпавшаяся лепнина и высо-

кий стул для клиентов. В углу — светоотражатель и штатив с подвижным зажимом, предназначенный для фиксации головы клиента в одном положении. Но за последний год техника дагеротипирования ушла далеко вперед, и новые аппараты работали быстрее. Уже не требовалось по полчаса сидеть на стуле в одном и том же положении, чтобы снимок удался. Теперь на все хватало пять-семь секунд, а такое мог выдержать даже ребенок. Поэтому появилась мода и на детские карточки.

Грэг терпеливо ждал, не мешая мне вспоминать.

— Дверь оказалась открыта, хотя внутри никого не было. Я решил подождать владельца и между делом обошел помещение. Там-то, за дальней ширмой, я и обнаружил скрытую от случайных взоров секретную дверь...

— Кира, зная тебя, готов биться об заклад, что ты не смог пропустить подобное.

— Не смог, — согласился я. — Там был хитрый замок, но минут за пять я с ним справился. Стены в том, втором, зале были настолько толстыми, да еще и специально оббиты звукоизолирующим материалом, что даже самые громкие крики и призывы о помощи снаружи слышны бы не были...

Я вновь и вновь воскрешал в памяти жуткий подвал.

— И что ты нашел в том втором зале? — не выдержал Грэг моего затянувшегося молчания.

— Операционный стол, который он использовал для пыток. И десятки конвертов с сотнями, тысячами снимков... а на снимках — дети. Он их пытал, ужасно пытал...

Грэг сам налил мне еще выпить, я глотнул водку, не ощущая ее вкус. Грэг выпил тоже.

— Что ты с ним сделал? Убил? Поэтому тебя забрал Мартынов?

— Убил. — Я почувствовал, что наконец слегка опьянел. — Целых два раза убил! А в третий раз он убил себя сам...

— Кира, ты в порядке? — Грэг озабоченно попытался заглянуть мне в глаза.

Я подумал было, а не выложить ли мне ему все до конца, но потом вспомнил то существо, жившее в теле Жорика, и отказался от этой идеи. Ведь оно и сейчас где-то рядом, в городе. Может, оно уже нашло себе новую жертву и подселилось в нее. Да, так я и буду называть это существо — подселенец. И мне

предстояло отыскать его и уничтожить. Я не мог просто взять и забыть, не после того, что оно сделало с теми несчастными детьми.

— В порядке. Интервью закончено. Кстати, Мартынов ска- зал, что, если обо всем произошедшем в прессу просочится хоть слово, он лично нам головы оторвет.

— Ничего, — отмахнулся Грэг, — я придумаю, как это об- ставить. Комар носу не подточит!

Я вытащил из внутреннего кармана портмоне и вручил по- дошедшему половому десятку.

— Две бутылки с собой!

Сегодня мне предстояло напиться до бессознательного со- стояния, ведь завтра первым делом я должен предстать перед графиней С. с отчетом. И уже сейчас представлял себе, как это будет тяжело. Даже моя тренированная нервная система дава- ла сбой. А безумия вокруг и так хватало.

Ш БЛИЗНЯШКИ

Женская рука ласково коснулась моего лица, едва ощутимо проведя сначала по бровям, затем по переносице, по щекам и скулам, смахивая усталость и остатки опьянения. Вчера я сдержал слово и крепко напился. Так, что с трудом помнил окончание вечера. Извозчик довез меня до дома, в дороге я за- дремал, а как добрался до постели, не помнил вовсе.

Но, очевидно, своей цели я все же достиг, потому что, лишь открыв глаза, я увидел привычный потолок спальни, а рядом на кровати сидела Лиза и улыбалась.

— Что господин желает: стопочку или стакан рассола? — Тщательно имитируя вятский говор, она склонила голову в шутовском поклоне.

Кажется, Лиза провела рядом со мной всю ночь, но я этого совершенно не помнил.

— Порошок лечебный разведи мне, будь столь любезна, спасительница, — вяло отшутился я, в то же время тщательно прислушиваясь к внутренним ощущениям. Оказалось, что все

не так плохо. Голова была тяжелая, но мысли бежали бодро. Жить буду.

— Говорят, салициловая кислота плохо влияет на организм. У тех, кто слишком часто ее принимает, наблюдается тошнота, а некоторые пациенты даже впадают в кому! Как я слышала, от похмелья лучше всего помогает народное средство. Нужно взять кору и листья ивы, перетолочь их в ступке, залить кипяченой водой и в таком виде принимать... А еще...

Лиза, продолжая щебетать, не забывала и действовать. Она встала, скинув простыню на пол, обнаженная и прекрасная, потянулась всем своим сочным молодым телом, краем глаза следя, наблюдаю ли я за ней, и только потом, довольная, что я все вижу и правильно оцениваю, высыпала пакетик с порошком в стакан, залила его водой, аккуратно перемешала и подала мне. Я тут же выпил все до последней капли и откинулся на подушку. Скоро боль уйдет полностью, это проверено многократно. Но воспоминания о вчерашнем дне все равно останутся.

То существо. Где же мне искать его? Я знал точно, что мне не померещилось. И пусть подобных созданий я прежде не видел, но, получается, они существуют. В своем рассудке я не сомневался.

— А где Петра? — поинтересовался я.

— Завтрак готовит, — весело улыбнулась Лизка. — Надо же нам кормить своего господина и повелителя!

С этим спорить я не собирался. Повалевшись еще пару минут в мягкой постели, я направился в туалетную комнату. Контрастный душ я терпеть не мог, поэтому ограничился обычным умыванием. И через пятнадцать минут был как новенький. К тому времени и порошок подействовал, головная боль прошла, лишь в висках еще слегка стучало.

Мои девочки — Лиза и Петра, сестры-близняшки двадцати двух лет от роду, — уже сидели за накрытым столом и ожидали меня, одетые в домашние деревенские сарафаны до пят — в последнее время они придерживались «народной» моды, — целомудренные с виду, но я-то знал, что под сарафанами девушки ничего не носили.

Я сошелся с ними с год назад, когда бывшие институтки, сиротки, в силу ряда причин внезапно оказались на улице без

малейших средств к существованию. Вот в этот сложный период своей жизни они и встретились мне одним дождливым осенним вечером.

История нашей встречи была банальна, как пьяный удар ножом в трактире. Девочек попытался прибрать к рукам Виктор — местный сутенер, но, на его беду, мне в тот вечер не сиделось в четырех стенах. В итоге Виктор отделался сломанной рукой и челюстью, но остался жив, за что потом искренне благодарил, а девочки переехали жить в мой дом.

Да, несмотря на низкую доходность работы, у меня все же имелся собственный двухэтажный особняк, доставшийся по наследству от родителей, в достаточно спокойном районе. Первый этаж я использовал под рабочее пространство — там находилась приемная, небольшая библиотека и кабинет, а второй — жилой, его я предоставил сестрам в полное владение, оставив себе лишь родительскую спальню.

От сестренки я ничего не требовал, живут и пусть живут, места хватает, но они как-то внезапно взяли бразды правления в собственные руки. Вскоре дом сиял чистотой, которой он не видел уже лет пятнадцать, с самой смерти родителей. Слуг я не держал, время от времени пользуясь услугами приходящих уборщиц. Поэтому дом преобразился — настолько он обновился, очистившись от пыли, заблестев свежевывмытыми стеклами и натертым паркетом. А уж как сестры готовили! Пальчики оближешь!

Интимная же наша жизнь также началась по их личной инициативе. Клянусь, я не принуждал ни одну из них к близости и даже в мыслях этого не держал. Но однажды вечером в мою спальню пришла Лиза, а на следующий вечер — Петра.

Близняшки, похожие как две капли воды лицами, были разные, как день и ночь. Лиза — солнечная, скорее рыжая, чем русая, обладала веселым, живым характером, много смеялась и болтала, даже когда этого не требовалось. Петра же характер имела мрачный и предпочитала красить волосы в радикально черный цвет, говорила мало, но в постели оказалась необычайно темпераментной и страстной, видимо компенсируя этим свою обычную нелюдимость.

Признаюсь, в те дни я был слегка шокирован происходящим. Нет, я вовсе не относился к числу пуритан и на общест-

венное мнение мне было глубоко наплевать, но жить сразу с двумя, как с женами, — это даже мне казалось несколько чересчур. Но сестры убедили меня, каждая по-своему, что волноваться совершенно не о чем и что это исключительно их личный выбор, а уж мое дело — принять его или отвергнуть и выставить их из дома. Разумеется, выгонять их я не собирался.

Так и повелось с тех пор. Спать ко мне они приходили по очереди, совершенно не ревнуя меня друг к другу. Но никогда этого не случалось у нас вместе, втроем. Таковы были их не высказанные вслух условия, которые я принял.

Яичница с беконом, посыпанная зеленым лучком, пара бутербродов с сыром, большая кружка кофе и стакан яблочного сока — такой простой, но вместе с тем вкусный и сытный завтрак меня ждал.

— Приятного аппетита! — хором пожелали близняшки, и мы принялись за еду.

Петра, как и обычно, ела молча, тщательно пережевывая каждый кусочек, а Лизка болтала не переставая, при этом не забывая отдавать должное и завтраку. Я сегодня тоже больше помалкивал, лишь иногда поддакивая очередной Лизиной сентенции.

Предстоящий разговор с графиней С. занимал все мои мысли. Я так и не привык сообщать матерям о гибели их детей. Реакция могла быть совершенно непредсказуемой: от полной апатии до внезапного решения покончить с собой. Я давно подумывал о том, что подобные известия не должен приносить такой, как я, — большой и грубый тип, которого легче представить в казарме с оружием в руках, чем в роли осторожного утешителя. Нет, для этого должны существовать специально обученные люди — мозгоправы. Известия подобного толка обязаны подаваться со всей деликатностью, а мозгоправы при этом пусть тщательно следят за несчастными и если вдруг почувствуют потенциального самоубийцу, то сразу же вызывают карету «скорой помощи». Хотя с такими высокопоставленными особами, как графиня С., подобный номер не пройдет. Охрана попросту не пропустит посторонних на территорию особняка, и помешать совершить суицид никто не сможет. С другой стороны, право каждого умереть так, как он сам считает нужным.

— Мы хотим купить кота! — внезапно пробилась сквозь мои размышления Лиза.

— Кота? — удивился я.

— Да! Толстого, хорошего кота! — звонко засмеялась Лиза, и даже Петра улыбнулась, сверкнув белоснежными зубками — словно лучик солнца проник между портьерами. — Ты ведь разрешишь нам? Ну пожалуйста!

— Зачем вам кот? — Я все не мог сообразить, шутка ли это либо они всерьез.

— В доме нельзя без кота, — пояснила Петра, а Лиза тут же добавила:

— Он будет ходить весь такой важный, а мы будем его кормить.

— И где вы его возьмете? Только не с улицы! — Я живо представил себе уличного кота — облезлого ветерана сотен боев, готового драться за кусок мяса даже со стаей собак и при этом побеждать. И такой монстр будет жить в моем доме?!

Видно, что-то мелькнуло на моем лице, потому что Лиза всплеснула руками и воскликнула:

— Нет, ну что ты, мы же возьмем кота маленького! Котенка. И вырастим его. А важным и пушистым он станет лишь когда-нибудь. В будущем! Можно?! Пожалуйста! Ну, Кира!

И даже Петра умоляюще смотрела на меня. Кто я такой, чтобы отказывать им в этой просьбе?..

— Хорошо, купите кота, — кивнул я, и тут же сестренки подскочили со своих мест и, радостно повизгивая, бросились мне на шею, целуя с двух сторон. Да за такое удовольствие я готов был купить им десяток котов, пару собак и даже кенгуру в придачу!

— Ты мрачный сегодня! — утвердительно сообщила мне Лиза спустя пару минут. — И вчера напился. Что-то случилось?

Еще не хватало делиться с девочками своими проблемами, поэтому я лишь неопределенно пожал плечами, надеясь в душе, что ушлый Грэг Рат не выложил уже всю историю в своей газетенке. Впрочем, сестры новостями не слишком интересовались, разве что те касались лично меня.

— Все в порядке, просто устал. Тяжелые дни.

— Это как-то связано с пропавшими детьми?

Улыбки исчезли с их лиц, словно художник одним быстрым движением замазал свой шедевр.

— Не будем об этом, — ушел я от темы, понимая, что даже если Лиза и отстанет с вопросами, то Петру так легко не провести. — Какие у вас планы на день?

Лиза, как я и предполагал, тут же переключилась на дела текущие:

— Мы хотели немного прогуляться по парку, а потом отправиться в салон Гертруды. Говорят, у нее появилась новая сногшибательная коллекция шляпок! Очень любопытно поглядеть... И затем мы будем искать кота! Есть два места, где их продают: рынок на Старой площади и лавка господина Птичкина. Мы заглянем и туда, и туда. Нам нужен самый лучший кот на свете!..

Пока Лиза рассказывала, Петра пристально смотрела на меня. Я же старательно делал вид, что полностью увлечен историей про кота, и все ее взгляды попросту игнорировал. Но отчего-то был уверен, что этим вечером в мою спальню придет именно она и от вопросов мне будет уже не отделаться.

— Лизка, если ты принесешь мое портмоне, да еще и захватишь пиджак из спальни, то я смогу дополнительно субсидировать покупку лучшего кота на свете...

Она, не дослушав, тут же сорвалась с места и бросилась в мою комнату, я лишь успел крикнуть вслед:

— И переговорник захвати со стола, будь так любезна!

Петра все давила меня взглядом, но я был не в том настроении, чтобы объясняться, и она, к счастью, это поняла.

Лиза вернулась через пару минут, держа в одной руке пиджак, а в другой — переговорник, который преотвратно поскрипывал сигналом срочного вызова.

Я повернул рычажок на соединение и приложил ухо к мембране.

— Бреннер слушает!

— Говорит графиня С., — услышал я знакомый голос моей нанимательницы. — Кирилл Бенедиктович, я уже все знаю. Хотела поблагодарить вас за проведенное расследование. С отчетом можете не являться, мне уже все доложили в подробностях. — Голос ее дрогнул, но аристократическая порода взяла свое, и графиня продолжила: — Я увеличила ваш гонорар в два

раза, чек вы получите сегодня же до обеда. Спасибо, что вы по-квитались за моего несчастного Мишеньку. Благодарю вас и прощайте!..

Хрипы в мембране оповестили меня, что разговор прерван. Вот так все вышло. Самую трудную часть работы — сообщить графине о смерти сына — выполнили за меня. Я и не сомневался, что у нее полно осведомителей, в том числе и в криминальном сыске. Что ж, так даже лучше. Все равно уже ничего бы не изменилось. Ее ребенок мертв — погиб страшной и мучительной смертью, и этого не исправить. Сочувствие в подобной ситуации лишнее, ведь слова все равно не помогут, а молчание — слишком тяжело.

Разубеждать же графиню в том, что настоящий убийца ее сына погиб, я не стал. Жорик мертв. По крайней мере, именно его изуродованное тело лежит сейчас в полицейском морге, и каждый может прийти и убедиться в этом лично. А подселенец... его для начала нужно отыскать. Впрочем, я был уверен, что мы с этим существом еще встретимся. Рано или поздно, но обязательно встретимся.

IV НЕОБЫЧНЫЕ ПОСЫЛЬНЫЕ

На двери моего дома висела табличка: «Частное розыскное бюро. К. Б. Бреннер. Лицензия за номером 718/2. Часы работы ненормированные». Также время от времени я давал объявления в «Городских новостях» и еще в паре периодических изданий.

Не могу сказать, что доход от моей деятельности исчислялся грандиозными суммами, но на безбедную жизнь вполне хватало. Содержание дома окупалось, включая незначительные траты скромных двойняшек и мои личные расходы. Иногда даже удавалось отложить что-то на банковский счет под проценты. Но богатством я обременен не был.

Поэтому чек от графини С., доставленный спустя пару часов после завтрака, пришелся как нельзя кстати. Некоторое время я сомневался, вправе ли принять его. Ведь если моя догадка верна и подселенец управлял Жориком, то денег я не от-

работал. С другой же стороны, я не мог гарантированно утверждать, что существо именно управляло убийцей, а не просто присутствовало в его теле, как некий паразит. Поэтому, поразмыслив, чек я оставил. Ведь свою работу я все же сделал — дагеротипист найден, обезврежен и уже никому не сможет причинить вреда. Тем более что сам я теперь под следствием, и эта ситуация еще потребует внезапных расходов. Мне нужно доказать, что убил я Жорика правомерно, не превысив свои полномочия. Частный сыск — это не служба в полиции. Тут сверху никто не прикроет, не защитит. Если совершил ошибку, то можешь рассчитывать исключительно на себя. Одно я знал точно: случись эта ситуация повторно, я сделал бы то же самое.

Девочки давно убежали по своим делам. Поиск кота занимал все их мысли. Даже Петра увлеклась этой идеей, и, лишь покормив меня завтраком, они быстро собрались и умчались прочь.

Тем лучше: мне хотелось побыть наедине с собой и обратиться с мыслями. Я спустился на первый этаж и прошел в кабинет, прибираться в котором не разрешал никому, даже сестрам. Слишком ценил я свой собственный уклад, да и просто не желал чужого вторжения в личное пространство. А более личного, чем работа, у меня ничего не было.

До полудня я успел заполнить карточку по делу графини С. и ее пропавшего сына. Пусть никто и не просил у меня отчета, но мое чувство долга требовало, чтобы я завершил это расследование. Пусть так, на бумаге, без прилагаемых улик и доказательств, но это лучше, чем ничего.

Потом явился посыльный с чеком, но я к тому времени уже закончил писать отчет, убрал все бумаги в картотеку и просто сидел в кресле, полуприкрыв глаза и вспоминая вчерашний день.

Едва я закрыл дверь за посыльным и вернулся в кабинет, чтобы убрать чек в портмоне, как назойливое дребезжание дверного звонка возвестило о том, что явился новый посетитель.

Я пошел отпереть, втайне надеясь, что незваный гость просто ошибся домом. Дело графини меня вымотало чрезвычайно, и сейчас мне требовалось хотя бы несколько спокойных дней.

На крыльце стояли двое. Только увидев их, я сразу понял, что грядут неприятности. Эти люди всем своим видом источали угрозу. Я бы принял их за уличных громил-бандитов, если бы не баснословно дорогой мехваген за их спинами. Насколько я знал, подобные имелись только у трех человек во всем Фридрихсграде. Интересно, от чьего имени явились эти люди?..

— Господин Бреннер? — поинтересовался первый гость, внимательно обшаривая меня взглядом.

Визитер был весьма высок и обладал такими широкими плечами, что я засомневался, сможет ли он пройти в дверной проем. Впрочем, и его напарник не уступал ему комплекцией. У первого на лбу красовался весьма заметный шрам, а у второго недоставало мизинца на левой руке. Это я заметил сразу, поскольку оба были без шляп и перчаток.

— Он самый. С кем имею честь беседовать?

Но господин со шрамом не спешил представляться и продолжил:

— Господин Бреннер, бывший десант-риттер кайзер-императорской армии Петра-Альбрехта Второго, ныне частный сыщик по найму?

— На последнюю часть вашего вопроса ясно отвечает табличка на моей двери. Об остальном вы тоже, как я вижу, осведомлены. Поэтому не стоит затягивать общение дольше необходимого.

Здоровяки переглянулись между собой. Я бы поставил сто против одного, что они в свое время прошли службу в войсках особого рода — об этом говорила и их манера держаться, и мягкие текучие движения, которые я уже успел отметить, и еще несколько мелочей, незаметных взгляду непосвященного. Но я много раз сталкивался с такими типами и знал, что они крайне опасны и держаться с ними нужно настороже.

— Хорошо, — кивнул первый, — допустим, что вы — господин Бреннер. В таком случае предлагаю вам проехать с нами. Это не займет много времени.

— С какой это стати? — разыграл я удивление, уже понимая, что проехать придется.

— Есть человек, очень важный человек, который хочет поговорить с вами, господин Бреннер, — неспешно выговари-

вая слова, словно разговаривал с ребенком, объяснил шрамированный гость. — Да вы не беспокойтесь, ваше потраченное время хорошо оплатят!

Я бы справился с ними при необходимости даже голыми руками, я был почти в этом уверен. Но зачем обострять ситуацию, тем более что сыщик по найму — это всего лишь наемный работник, и, когда тебя зовет солидный клиент — не важно, каким способом, — нужно проявлять понимание.

— В таком случае я к вашим услугам, господа! — Я решил сыграть туповатого служаку, на все готового ради денег. Впрочем, если смотреть правде в глаза, так оно и было. — Я только захвачу плащ и запру дверь.

— Поторопитесь! — кивнул первый здоровяк. Он явно был главным в этой паре. Второй, без мизинца, за все время не проронил ни слова. — Мы подождем вас в приемной.

Я не стал спорить и впустил их в дом. Непосредственной угрозы я от визитеров не ощущал. Они просто выполняли поручение своего господина: найти и доставить меня, как я надеялся, в целости и сохранности. Здесь, в доме, я мог убить гостей в два счета, но не видел в этом смысла. Тот, кто послал их за мной, нуждался в помощи. А персонам такого уровня отказывать не принято — после неприятностей не оберешься.

На этот раз я захватил с собой револьвер. Его обязательно отберут у меня перед встречей, но после вчерашних событий выходить на улицу без оружия я больше не мог. А нож, как всегда, лежал у меня в кармане.

Сборы не заняли много времени: уже через несколько минут я запер входную дверь и уселся на заднее сиденье элитного мехвагена компании «Моторы Отто и сына». Беспалый занял место за рулевым колесом, а шрамированный сел рядом со мной позади, прежде профессионально охлопав мои карманы и изъяв револьвер и нож.

Мотор басовито загудел. Мехваген вздрогнул, готовый сорваться с места в любую секунду. В нем чувствовалась неимоверная мощь, заложенная создателями. Мне нравилось стремительное техническое развитие, начавшееся в последние годы, я признавал, что прогресс — главный двигатель человечества. А этот мехваген являлся вершиной современной инженерно-технической мысли, над его созданием трудились лучшие умы

Руссо-Пруссии, и мне крайне приятно было прокатиться на этом чуде техники, пусть и в качестве насильно приглашенного пассажира.

— Трогай! — велел мой сосед, и мехваген пулей полетел по дороге, оглашая окрестности диким ревом.

Встречные извозчики громко ругались, пытаясь удержать лошадей и не дать им запаниковать, а случайные пешеходы едва успевали отпрыгивать в сторону, чтобы не попасть под колеса этого монстра дорог и чемпиона скоростей.

Восторг! Полный и абсолютный восторг! Вот что я испытывал, вжимаясь всем телом в кожаное сиденье. Я бы многое отдал, чтобы однажды сесть за рулевое колесо этого великолепного творения. Но подобная роскошь была мне не по карману.

Казалось, водитель забыл о тормозах, он гнал так, словно от этого зависела его жизнь. Куда, интересно, мы так спешим?..

Спустя десять минут бешеной гонки я понял, что мы, собственно, никуда особо не спешим, просто жизни и здоровье тех, кто не успел бы сигануть в сторону из-под колес мехвагена, моих спутников не беспокоили. Но беспалый оказался мастером вождения, и, к счастью, никаких дорожных происшествий с нами не приключилось. Разве что городские периодически свистели нам вслед, но водитель их игнорировал, да и они сами, разглядев мехваген, почтительно брали под козырек.

Мы проскочили один за другим два моста и въехали в центральную часть города. Но и здесь мехваген не снизил скорость. Состоятельные горожане, степенно совершавшие променады по широким проспектам, ругались не хуже давешних извозчиков, грозно потрясая в воздухе кулаками. Но мы игнорировали всех и каждого, не останавливаясь ни на мгновение.

Наконец мы достигли цели. Мехваген снизил скорость у высоких кованых ворот, которые тут же отворились, и мы поехали по широкой аллее к видневшемуся чуть дальше массивному двухэтажному особняку. С любопытством поглядывая по сторонам, я насчитал около десяти плечистых охранников в штатском, рассредоточенных на территории. Помимо охранников я заметил и свору крупных кобелей, неотступно следовавших за нашим мехвагеном. Ни один из них не лаял, они во-

обще делали вид, что просто бегут рядом по каким-то своим делам, но я был уверен, что в случае необходимости они в мгновение ока разорвут любого.

Я уже догадался, в чьи именно владения мы явились. Прожив в городе много лет, да к тому же обладая столь неспокойной профессией, поневоле узнаешь всех и вся. Хотя, признаться честно, лично мы с этим господином никогда не пересекались. Слишком уж разный круг общения. Я так высоко никогда не залетал. Даже графиня С., обратившаяся ко мне по рекомендации одной из своих многочисленных подруг, которой я немного помог в свое время, была далеко не столь влиятельна, как хозяин этого особняка.

Но пока я оставил все догадки при себе. Имея дело с персонами высокого ранга, нужно помалкивать или же, в крайнем случае, преданно кивать, иначе найдут твое тело спустя месяц-другой в какой-нибудь тихой заводи, объединенное рыбами, и похоронят в тесной могилке.

Мехваген остановился напротив каменной лестницы, ведущей к парадному входу. Любопытно, меня собираются впустить не через черный ход, значит, хозяин не делает из моего визита тайны. Либо же специально выставляет меня напоказ. В таком случае дело даже серьезней, чем я предполагал.

Дверь мехвагена мне никто не поспешил открыть, поэтому я сделал это сам, выбрался из недр этой удивительной машины, еще раз бросив на нее восхищенный взгляд, и замер, ожидая дальнейших указаний от моих сопровождающих.

Те уже встали у меня по бокам, препятствуя возможному побегу — не то чтобы они думали, что я куда-то побегу, просто они привыкли контролировать опасных визитеров. Я же прекрасно помнил недобрые взгляды своры, которая сейчас растворилась среди аккуратно подстриженных кустов, и бежать не стал бы ни в коем случае.

— Вас ожидают. — По лестнице спустился представительный мужчина в строгом сюртуке и с такими бакенбардами, которые считал бы за честь носить любой боевой генерал. — Меня зовут Паркер, следуйте за мной.

Беспалый и шрамированный проводили нас до бесконечного холла первого этажа и только там оставили в покое, передав меня на полное попечение Паркера.

Мы поднялись на второй этаж. На богатую обстановку вокруг я старался не обращать внимания, хотя краем глаза отметил и бесценные картины известных мастеров, и массивную хрустальную люстру, и натертый до блеска паркетный пол, и несколько полных наборов рыцарских доспехов, и множество иных деталей, даже не шепчущих — кричащих о том, что здесь проживает один из самых богатых людей города, да что там — всей империи.

На пути нам не встретилось ни единой души: ни слуги, ни охранники, ни домашние. Поместье внутри словно вымерло, и только глухие звуки наших шагов разносились тихим эхом по полутемным коридорам второго этажа.

Коридор окончился тяжелой дубовой дверью. Паркер негромко постучал и, получив разрешение войти, распахнул передо мной створки. Я шагнул в комнату, сразу сообразив, что попал в кабинет хозяина особняка. Дверь за мной тут же затворилась.

Из-за массивного стола навстречу поднялся крупный мужчина лет шестидесяти, с совершенно седой головой, аккуратными усами и очень усталыми глазами.

Я склонился в почтительном полупоклоне. Никакой ошибки, теперь я совершенно убедился в правильности собственной догадки. Ведь пригласившего меня господина знал в лицо каждый житель города — портреты этого человека висели почти в каждом доме и уж точно в каждой таверне рядом с портретами императора.

Передо мной стоял, протянув руку для пожатия, действующий член Государственного Совета, генерал-губернатор Фридрихсграда, родной брат кайзер-императора Карла, великий князь Платон Александрович собственной персоной.

V НОВОЕ ДЕЛО

Я вытянулся во фрунт, как во времена былой службы, и лихо отрапортовал:

— Десант-риттер Бреннер по вашему указанию прибыл, ваше высочество!

— Кирилл Бенедиктович, оставьте излишние церемонии. Проходите, присаживайтесь! Желаете чайку или чего-то покрепче? Прошу, не стесняйтесь!

Рукопожатие вышло крепким. Князь находился в прекрасной физической форме, несмотря на почтенные годы. Всю свою жизнь он был патриотом, считая любовь к Родине необходимой составляющей менталитета настоящего гражданина. Князь испытал самолично все прелести казарменной службы, хотя это вовсе и не требовалось ввиду его высокородного происхождения. Он двадцать лет отслужил в обычном полку, позже сменившем свое название на Княжеский, начав со звания риттер-лейтенанта. Позже, покинув армейскую службу в генеральском чине, Платон Александрович по высочайшей просьбе Карла принял пост губернатора Фридрихсграда — второго после столицы города империи, доверить который кайзер-император мог только ближайшему родственнику.

Великий князь пользовался громадным уважением как простого народа, так и военных. Ну а в правящих кругах его происхождение обеспечивало князю особый статус. Поэтому городом он руководил железной рукой, его боялись как огня. Князь без всякой жалости уничтожал преступный элемент, в том числе высокопоставленных казнокрадов, и Фридрихсград по праву считался одним из самых спокойных и обеспеченных городов во всей Руссо-Пруссии.

Я несколько раз достаивался чести лицезреть великого князя лично, но чтобы при этом он обратил на меня свое внимание — такого прежде не случалось. И, сказать начистоту, я бы предпочел, чтобы так оставалось и впредь. Внимание царственных особ обычно плохо сказывается на состоянии здоровья тех, на кого оно обращено.

— Благодарю, ваше высочество, не стоит беспокоиться!

— Ну хорошо. — Князь тщательно осмотрел меня с головы до пят, придирчиво оценивая, словно скакуна, на которого собрался поставить крупную сумму, и кивнул. — Вы все же присаживайтесь, Кирилл Бенедиктович, разговор предстоит долгий. И давайте условимся: наедине называйте меня по имени-отчеству. Лишние условности между старыми солдатами ни к чему, не так ли?

— Так точно, Платон Александрович. — Я уселся на стул, но спину держал прямой как палка, а подбородок слегка выпятил вперед. Пусть князь и предлагает легкое панибратство, но расслабляться не стоит. Любое мое неверное слово или движение может отправить меня напрямиком на далекие северные рудники. Таковы они все — власти предержажшие.

Великий князь обошел стол и сел на свое место. Я смотрел на брата кайзер-императора не отрываясь, как сказали бы в нашем полку — пожирал начальство взглядом. Ведь начальство очень любит, когда каждому его слову внимают, словно оно глас божий. И это вовсе не подхалимаж, а лишь необходимые условия для выживания в заданном социуме.

Я даже не успел толком рассмотреть кабинет князя, заметив краем глаза, что генерал-губернатор не любил излишества. Все устроено по-простому, безо всякой помпезности. Только необходимые для работы вещи — а князь работал подолгу, иногда несколько суток кряду просиживая в кабинете. Десяток охотничьих трофеев на стенах — вот и все украшение помещения.

— Хорошо, раз вы отказываетесь от напитков, приступим прямо к делу. — Князь чуть откинулся на спинку кресла, собираясь с мыслями. — Речь пойдет о вещах крайне деликатных... семейных... очень личных...

Ох как же мне все это не нравилось! Влезать в личные дела великого князя я не горел желанием. Ведь выбраться из них может быть невероятно сложно. Но что я мог поделаться? Встать и уйти? Если бы это было возможно, я бы так и поступил. И, слушая князя, я все глубже и глубже увязал в них, как пчела в варенье, теряя все пути для отступления.

— Вы, наверное, знаете, что у меня есть сын?

Я кивнул. Еще бы я этого не знал! Сын великого князя — Константин Платонович, девятнадцати лет от роду, или же Костас, как он сам любил себя величать на греческий манер, а в крайнем случае, Князь-младший — так его звали полушепотом между собой городовые и полицейские, был тем еще оболтусом. Практически ни один скандал в высшем свете не обошелся без его участия, а зачастую он сам их инициировал. Характер у него был преотвратный, и связываться с этим юнцом никто не желал. Генерал-губернатор, обычно справедливый,

на проделки сына закрывал глаза. Поговаривали, что он ни в чем не может тому отказать — слишком уж похож был Костас на свою покойную мать, в которой Платон Александрович души не чаял.

— Так вот, — продолжил князь, — он попал в одну крайне неприятную историю. Но я надеюсь, что с вашей помощью он из нее выпутается.

Я удивился, хотя виду не подал. У великого князя хватало и людей, и возможностей для того, чтобы решить любую проблему любого свойства. Зачем ему понадобился именно я? Тем более учитывая, что прежде он к моим услугам никогда не прибегал, хотя наверняка одна из папок на его столе содержала мое полное досье. Нет ли во всем этом какого-то подвоха? Однако в благородстве Платона Александровича я несколько не сомневался.

— Вы, верно, недоумеваете, — угадал мои мысли князь, — отчего я пригласил для этого дела вас? Но, знаете ли, так вышло, что мне понадобился именно независимый человек со стороны. Я попросил навести справки обо всех частных сыщиках нашего города, и вы были указаны в тройке самых честных и порядочных.

Я чуть было не хмыкнул. Только лишь в тройке? Я-то надеялся, что лидирую в этой позиции, крайне непопулярной среди людей, желавших туго набить свой кошелек. Я не шел на компромиссы, никогда не предавал нанимателя и не брал взятки, в общем — представлял собой упертого и верного пса-служак, которого проще убить, чем переманить на свою сторону. И если уж я брался за дело, то обычно доводил его до конца. Чего бы это мне ни стоило...

— К тому же, — добавил Платон Александрович, — я с утра просматривал сводки происшествий. В коих вы фигурировали... да еще как фигурировали!

Да, теперь все понятно, вся эта история с Жориком сыграла ключевую роль. Точнее, мое в ней шаткое и неуверенное положение. Ведь я нахожусь под статьей об убийстве, да еще с отягчающими обстоятельствами. И не важно, что жертва моя — преступник-маниак (о подселенце я предпочитал пока вообще не вспоминать). Все равно по законам империи мне грозит

повешение, в лучшем же случае — рудники. Убийство есть убийство!..

Так вот, используя меня в решении проблемы с сыном, великий князь мог быть уверен, что эта история позже нигде не всплывет. Он легко мог контролировать меня, при необходимости отдав приказ о моем немедленном аресте — если бы я начал позволять себе вольности. Князь ничем не рисковал, я же ставил на кон все. В случае неудачи меня просто не станет — и никто не вспомнит, что жил такой сыщик Бреннер, честный и глупый. Разве что сестренки погрустят обо мне немного одним из долгих осенних вечеров...

— Дело похитителя детей было у меня на особом контроле. — Князь достал из ящика стола пару сигар, предложил мне одну, но я отказался, тогда он срезал у своей кончик и медленно раскурил ее, распространяя благодатный аромат по всему кабинету. — Вы — большой молодец, Кирилл Бенедиктович. Я прослежу, чтобы награда не обошла героя стороной.

Уж лучше бы меня просто оставили в покое. Чувствую, тут либо пан, либо пропал. Все будет зависеть от того, в какую именно навозную кучу сумел вляпаться Костас, и от того, смогу ли я его оттуда вытащить.

— Итак, оставим сантименты. Дело, как я уже сказал, крайне деликатного свойства. Существует некая девица — актрисулька, гулящая особа. Но она сумела завлечь моего сына в свои коварные сети. А он — мальчик тонкой душевной организации, чрезвычайно чувствительный и ранимый — весь в мать, влюбился в нее всем сердцем. Она воспользовалась ситуацией и понесла. К счастью, я узнал об этом одним из первых. Представляете, Кирилл Бенедиктович, эта актриска имела наглость явиться в мой дом самолично и заявить о своих правах. Мол, она, как будущая мать моего внука, немедленно нуждается в изрядном денежном содержании. Более того, она претендует на то, чтобы Константин сделал ей официальное предложение! Представляете?! Я все понимаю, многое повидал в этой жизни, но никогда подобной девице не вступить в мой дом в качестве моей невестки, а тем более — в дом моего брата!

Я слушал князя и понимал, что живым мне из этой истории выбраться будет очень сложно. Свидетелей такого рода предпочитали никогда в дальнейшем не встречать. А что может

быть проще, чем мешок на голову да тяжелый камень, привязанный к ногам, — и на дно. Какая там тихая могилка — это я размечтался, никогда меня не найдут. Был человек — и нет человека.

При этом я нисколько не сомневался, что князь воспринимает всю эту историю совершенно неадекватно и однобоко, а вся его хваленая справедливость попросту испарилась, когда речь зашла о его сыне, но никто, в том числе и я, не осмелится ему об этом сообщить. Костас, помимо всего прочего, один из потенциальных наследников империи, поэтому дело приобретало характер государственной важности. Ведь тот или та, кого носит в своем чреве неугодная князю девица, тоже станет престолонаследником, коли все же умудрится родиться. Даже если ребенка никогда не признает его отец. История знает примеры, когда бастарды обскакивали всех в смертельно опасной гонке за главный приз, ценнее которого в мире ничего не было и нет, — власть.

— Ваша задача, господин Бреннер, проста и одновременно с тем сложна и деликатна. Вы должны встретиться с этой девушкой, поговорить с ней и убедить ее отступить. Она должна понять, что не достойна носить этого ребенка. К счастью, срок еще не столь велик, а абортариев в городе хватает. Вы ведь знаете, что либералы вновь протолкнули закон о праве каждой женщины самой решать, оставлять ли случайно зачатое дитя или избавляться от него. К счастью, в данном случае это нам только на пользу. А если ее не устраивает Фридрихсград — что ж, пусть выбирает любой другой город и любую клинику, я все оплачу. Главное — убедите ее, что оставлять этого ребенка ни в коем случае нельзя. Подкупите ее, можете спокойно оперировать любыми пятизначными числами, за деньгами дело не станет — спокойствие дороже! Если же вздумает упираться, припугните! Я даю вам самые широкие полномочия. Естественно, все это неофициально, но, в случае чего, я за вас вступлюсь лично — мое слово тому порукой. Пока же полиция трогать вас не будет — я уже обо всем переговорил с шефом Мартыновым. Сделайте все возможное, чтобы выполнить это поручение. И тогда, поверьте, ваша карьера сложится в нашем городе весьма удачно.

Метод кнута и пряника. Князь понимает, что держит меня в руках, но все же стимулирует обещаниями, сознавая, что одно дело работать за страх, а совсем другое — за совесть. Шеф полиции барон-капитан Мартынов сделает все, о чем попросит его великий князь. Если тот сказал на время оставить меня в покое — оставят, но в любой момент, если ситуация переменится, кинут в клетку. Уж мне ли не знать методы наших полицейских? Именно из-за негибкости системы я и не пошел служить в их ряды, хотя мне в свое время это предлагали.

За два столетия смесь всегдашнего российского разгильдяйства и дойчевой любви к порядку породила нечто особенное. Две столь разные системы срослись в новой империи вместе, но, к сожалению, немного не теми краями. Русское чинопочитание и стяжательство, дополненные дойчевой исполнительностью и неукоснительной верой в начальство, создали несокрушимую бюрократическую машину, противостоять которой не мог никто, даже император, но в то же время так и не решили внутренних проблем в империи. Взятничество никуда не исчезло, более того, не искушенные прежде большими деньгами дойчи быстро освоились с реалиями и поставили дело на присущую им четкую основу. И никакие указы и самые строгие меры, предпринимаемые кайзер-императором, пока не смогли побороть эту чуму. Платон Александрович от брата не отставал и многих фридрихсградских чиновников отправил на каторгу, но на их место приходили другие такие же — жадные до денег, бесстрашные до безумия, и все начиналось заново.

К счастью, другие черты этих двух народов оказались куда более важными для империи. И те и другие обладали той особой отвагой, которая во все века брала города. Вдобавок русы несли в себе некую внутреннюю правду и веру в обязательную справедливость уже на этом свете, а дойчи вскоре подхватили эту веру и постарались придать ей прочную материальную основу. За два столетия родилась и выросла новая нация, не потерявшая своей изначальной дуальности — русы никогда не поглощали народы, а интегрировали их, а дойчи слишком ценили свои корни, чтобы позабыть собственную историю и происхождение.

— Вот вам на текущие расходы. Если потребуется еще, только скажите...

Князь протянул мне плотную пачку купюр. Щедро. Я спрятал деньги во внутренний карман пиджака и поднялся со стула, понимая, что аудиенция окончена.

— По всем вопросам можете контактировать с моими людьми. Риттер Жуков и риттер Вульф. Вы с ними уже знакомы, это они доставили вас ко мне. У них же получите все данные по этой актрисе и все прочее, что вам может потребоваться в работе. Бреннер, сделайте все возможное, чтобы решить проблему! От вас зависит честь моей семьи, более того — честное имя кайзер-императора! Я в вас верю!..

VI

ТЕАТР «ФАНТАЗИЯ»

Беспальный громила оказался Жуковым, а второй, со шрамом, — Вульфом. Револьвер и нож мне вернули, а также вручили не слишком толстую папку с материалами на зарвавшуюся в своих амбициях актрису. В дополнение мне выдали специальную бумагу, подписанную лично великим князем и способную открыть двери любого дома, да что там — с такой всеразрешающей бумагой я мог при необходимости поднять полк в штyki — крайне ценная штука! Жаль, нельзя оставить ее себе навсегда...

Памятуя об обещании генерал-губернатора, я потребовал себе на время выполнения задания личный мехваген, да не абы какой, а тот самый, с ветерком доставивший меня час назад на аудиенцию. Жуков с Вульфom переглянулись. Видно было, что я им не нравлюсь, более того, кажусь ничуть не менее наглым типом, чем пресловутая актрисулька, и вообще, они не понимают, отчего столь деликатное внутреннее дело доверено мне, а не им. Уж эти-то громилы решили бы его в два счета, можно быть уверенным. Именно поэтому я предположил, что князь все же хотел разобраться с актрисой мирно. Методы Жукова и Вульфа не предвещали врагам Платона Александровича ничего хорошего.

Выбора у риттеров не было, поэтому уже через четверть часа я выехал из ворот усадьбы на мехвагене компании «Моторы Отто и сына» — мечте любого человека, разбирающегося в современной технике.

Мехваген слушался каждого моего движения: не машина — сказка. Я летел по дороге, провожаемый завистливыми взглядами мужчин и восторженными — женщин. Надо бы прокатить сестренку на этом чуде техники. Они будут довольны. Но сначала — дело.

Я уже успел просмотреть скудное досье на актрису, собранное подчиненными великого князя. То ли они совершенно не умели работать, то ли девушка и вправду ни в чем подозрительном замешана не была, а вся история с беременностью и безмерными требованиями — сплошное недоразумение. Вот в этом мне и стоило разобраться, и я надеялся, что управлюсь с делом быстро.

Итак, Арабелла Германовна Лямур — Белла, как ее все называли, действующая прима оперетты театра «Фантазия». Лямур — это псевдоним, настоящая ее фамилия была куда проще — Белкина. Ее родители — небогатые люди, хоть и дворянского сословия. Угораздило же их, не скопив достойного приданого, назвать дочь романтическим именем Арабелла, тем самым заставив девочку считать себя особенной. Совершенно неудивительно, что, достигнув совершеннолетия, Белла решила не прозябать в провинции, перебралась в Фридрихсград, где и выбрала актерскую стезю. Быстро окончив театральные курсы, она удачно попала в качестве актрисы вторых ролей в «Фантазию», но уже через год получила свою первую главную роль, а еще через некоторое время стала и примой театра. Видно, характер у Арабеллы оказался железным. Домашний адрес прилагался. Белла снимала квартирку — небольшую, зато в центре города, а цены там были не каждому по карману.

Лично я крепко сомневался, что за те четыре года, которые Лямур выступала в театре, с ней не произошло ни одной компрометирующей истории. Все современные молодые и красивые девицы, мечтающие о славе и богатстве, обычно прятали в шкафах такое множество скелетов, что хватило бы на небольшое кладбище. Я вовсе не удивлюсь, когда, покопавшись в ее грязном белье, вытащу на свет несколько интересных тайн. А покопаться в нем мне придется обязательно...

Поразмыслив, я решил идти к Лямур не сразу, а вначале пообщаться с ее окружением, чтобы составить об актрисе первоначальное впечатление. Нет более завистливых существ, чем

коллеги, тем более стоящие на несколько ступеней ниже. Все же, отделяя вымысел от правды, можно многое узнать о человеке. Я не сомневался, что сумею это сделать, — начиналась привычная работа, которой я занимался уже многие годы.

Показалось мне или нет, но от самой усадьбы на некотором расстоянии за мной следовал какой-то мехваген. Неужели князь отдал распоряжение следить за мной? И не мои ли знакомцы — Жуков и Вульф — выполняют это распоряжение? При желании я мог бы оторваться от преследователей в любую минуту, но решил этого не делать. Хочется им — пусть таскаются за мной следом. В конце концов, у каждого своя работа.

Внушительное здание театра «Фантазия», построенное лет тридцать назад по особому проекту барона Делье, знал каждый житель города. Массивные мраморные колонны, львы и многочисленные ангелочки, украшавшие фасад, привлекали внимание всякого прохожего, маня войти внутрь и купить заветный билет. Чуть в стороне виднелась яркая афиша, на которой значилось: «Премьера! Оперетта «Битва за счастье». Только у нас поет Арабелла Лямур. Спешите видеть и слышать!»

«Многозначительное название», — подумалось мне. Работа у госпожи Лямур совпала с жизненной ситуацией: и на сцене, и в жизни ей придется повоевать, чтобы добиться желанной цели.

Я оставил мехваген возле театральной конюшни, находившейся сразу за зданием, и велел усатому сторожу присмотреть за машиной, в качестве награды посулив ему пять марок. На прощанье я еще раз крепко-накрепко наказал ему смотреть в оба за мехвагеном — как за собственной женой, и даже еще внимательнее, потому как женщин вокруг много — можно и новую найти, а таких королев дорог — единицы, и за нее голову открутят не задумываясь. Сторож проникся всем сердцем и поклялся жизнь отдать, но не подпустить врагов к творению компании господина Отто.

Швейцар, не менее усатый и дородный, чем сторож конюшни, но вдобавок одетый в весьма внушительно смотревшуюся и идеально сидевшую на нем ливрею, поинтересовался было целью моего визита, но, увидев бумагу за подписью великого князя, сразу распахнул передо мной двери.

Зайдя внутрь, я огляделся. Нет, мне приходилось бывать в театре и прежде, но все же каждый раз, когда я видел всю эту

роскошь вокруг, мне становилось несколько не по себе. Мраморные полы, бесконечные зеркальные стены, витые широкие лестницы, сплошная позолота везде, где только можно, — все это служило одной цели: затуманить взоры посетителей, вызвать даже у самого бедного и незначительного из них ощущение сопричастности к высшим кругам общества, заставить почувствовать себя значимее, солиднее. И представление, разыгрываемое на сцене, лишь усиливало эти ощущения, унося зрителя в иную реальность. А после, когда спектакль заканчивался и человек возвращался в свою унылую скудную двадцатимарочную квартиру, в свою беспросветную жизнь, очарование пропадало и приходила безысходность. За эту подлость, хитрый обман, временную иллюзию собственной значимости я подобные места не любил и старался их избегать.

— Вам чем-то помочь? — Ко мне подошла — нет, скорее подплыла — дама в вечернем платье, расшитом жемчугом, и с таким декольте, что туда мог легко нырнуть и потеряться головной линкор морского флота его кайзер-императорского величества «Церштерер».

— Да, собственно, я ищу вашего директора. — Я с трудом оторвал взгляд от ее прелестей и переместил его на лицо дамы, еще сохранившее остатки свежести и молодости, хотя легкие морщинки вокруг глаз, видимые несмотря на умело нанесенный макияж, указывали, что ее возраст ближе к тридцати пяти, чем к восемнадцати.

— Аскольда Ромуальдовича? Так я вас могу к нему проводить, нам как раз по пути!

— Это было бы крайне любезно с вашей стороны, уважаемая...

— Робертина Сергеевна Кинева, актриса этого несчастного театра. А вас как величать, позвольте полюбопытствовать?

Она ловко подхватила меня под руку и уверенно повела в сторону лестницы, поэтому представляться мне пришлось на ходу:

— Бреннер, Кирилл Бенедиктович, частный сыщик.

— Ох, как интересно! Настоящий сыщик! А я так люблю читать истории о таких, как вы. Вот только недавно прочла презабавнейшую вещь — «Федорин против банды трубочистов». Рекомендую! Получите море удовольствия! Только автор,

как мне показалось, слишком уж либерален. И куда только цензор смотрит?! Я давно хотела познакомиться с представителем вашей опасной профессии и спросить: а правда ли то, что пишут в книгах? Вам на самом деле приходится убивать преступников? А вы лично многих убили? Это ведь так страшно, что я и представить не могу! Такие эмоции, такие чувства! Я бы умерла со страху, если бы кто-то лишь направил в мою сторону оружие...

Собственно, Робертине собеседник не требовался. Она и сама прекрасно справлялась с нашим диалогом-монологом, почти не давая мне возможности вставить слово. Но я все же исхитрился воспользоваться краткой паузой, стараясь направить ее рассказ в нужное мне русло:

— Моя работа скучна и банальна. Большую часть времени я провожу, зарывшись в бумаги. Рутинная. А вот ваша профессия кажется мне яркой и интересной. Проживать множество жизней, быть то королем, то герцогом, то наемным убийцей... Дарить радость людям, быть всегда на виду! Цветы, море поклонников — ведь я все правильно говорю, дорогая Робертина Сергеевна?

Дама явственно помрачнела. Даже плечи у нее чуть опустились. Видно было, что предложенная мной тема ее угнетает.

— Знаете, ведь все так и было, как вы сказали. Были и поклонники, и цветы, и подарки, и роли... все было... а теперь из-за этой... извините. Теперь я играю не героинь, а их матерей. А то и бабушек. Представляете? Я — бабушка?!

— Какая же вы бабушка? Вы — небесный цветок, украшение любого праздника. На месте вашего режиссера я предлагал бы вам исключительно главные роли!

Мы поднялись на второй этаж, прошли в неприметную служебную дверь, покинув роскошь и великолепие, и направились по слабо освещенному коридору куда-то вглубь театра, куда обычным посетителям вход был заказан. Кажется, я слегка перебрал с комплиментами, потому как Робертина задышала чаще и сильнее прижалась ко мне теплым боком.

— Ах, вы так милы. Ваши бы слова да Аскольду в уши. Он ведь у нас и директор, и режиссер. Но он увлечен другой, увы. Она и моложе, и свежее, и голос у нее хорошо поставлен. Что уж скрывать, время беспощадно, даже я пала его жертвой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Дагеротипист	5
II. Интервью	11
III. Близняшки	17
IV. Необычные посылы	23
V. Новое дело	29
VI. Театр «Фантазия»	36
VII. Тайная комната	42
VIII. Великокняжеский сын	50
IX. Бегство	58
X. «Дырокол»	64
XI. Форс	70
XII. Доклад	75
XIII. Штурм	82
XIV. Ястреб	89
XV. Заговор	99
XVI. Императорская библиотека	105
XVII. Железный адлер	112
XVIII. Старые связи	118
XIX. Унтербан	126
XX. «Страус»	132
XXI. «Бюро артефактов»	139
XXII. Ответы на вопросы	145
XXIII. Убить до полуночи	152
XXIV. Флюгплац	158
XXV. Цеппелин «Возрождение»	164
XXVI. Герой	172
XXVII. Приносящий смерть	180
XXVIII. Шалимов	186
XXIX. Провинция	193
XXX. Разговор по душам	203
XXXI. Погоня	209

XXXII. Стадион «Атлет»	216
XXXIII. Обмен	221
XXXIV. Ошейники	229
XXXV. Заговорщики	238
XXXVI. Петра	245
XXXVII. Адди	250
XXXVIII. Покушение	257
XXXIX. Ультиматум	263
XL. Чужаки	271
XLI. Иной мир	278
XLII. Откровения	285
XLIII. Выбор	294
XLIV. Сестры	301
XLV. Шпион	307
XLVI. Вилли	314
XLVII. Собор	323
XLVIII. Кардинал	331